

Т. М. Шихова

Развитие эврисемичного значения исконно русских фразеологизмов

Содержание статьи связано с разработкой автором проблемы эврисемичности значения фразеологизмов. Согласно авторской концепции, эврисемичность рассматривается как категория, представленная в системе языка оппозицией фразеологизмов с неэврисемичным и эврисемичным по объему или содержанию значением. Причины формирования различных типов значения выявляются с учетом взаимодействия макрокомпонентов фразеологического значения и семантической структуры фразеологизмов. В статье представлен анализ развития эврисемичного по объему значения фразеологизмов как результат переосмысления исходного образа.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологическое значение, семантическая структура фразеологизма, эврисемичность, эврисемичный по объему тип значения, исходная образность.

Т. М. Shikhova

Development of the Eurosemic Meaning of Primordial Russian Phraseological Units

The content of the article deals with the problem of eurosemics of a meaning of phraseological units studied by the author. According to the author's conception, eurosemics is regarded as a category represented in the system of the language by the opposition of phraseological units with non-eurosemic and eurosemic in the volume or content meaning. Causes of formation of different types of meaning are demonstrated by means of interdependence of microcomponents of phraseological units and a semantic structure of the phraseological units. This article shows the development of eurosemic in the volume meaning of phraseological units as a result of change of the initial image.

Ключевые слова: a phraseological unit, a phraseological meaning, a semantic structure of the phraseological unit, eurosemics, eurosemic in the volume meaning of the phraseological unit, initial image.

Термин *эврисемичность* применительно к значению фразеологизмов начинает употребляться с 90-х гг. XX в. [1; 15; 19; 7; 18]. К настоящему времени за ним еще не закрепилось достаточно ясное понятийное содержание. Наша попытка ответить на вопрос о сущности понятия *эврисемичности* фразеологического значения основывается на трех составляющих его анализа. Во-первых, на осмыслении соотношения понятий *фразеологическое значение* и *семантическая структура фразеологизма*. Во-вторых, на сравнении и обобщении данных фразеологических и толковых словарей XIX–XXI вв. В-третьих, на привлечении разновременных контекстов употребления ФЕ.

Фразеологическое значение и *семантическая структура фразеологизма* – понятия взаимосвязанные, но не тождественные. Их объединяет категориальное и денотативно-сигнификативное содержание, представляющее собой собственно фразеологическое значение, которое входит, наряду с коннотативным и структурным макрокомпонентами, в семантическую структуру фразеологизма. Денотативный и сигнификативный аспекты фразеологического

значения составляют его объем и содержание. Их соотношение может быть различным – узкий объем и неширокое содержание, широкий объем и одноплановое, узкое содержание, узкий объем и широкое, разноплановое содержание. С учетом этих различий были выделены неэврисемичный и эврисемичный по объему или содержанию типы значения номинативных фразеологизмов. Указанные типы значения образуют языковую семантическую категорию эврисемичности.

Причины формирования неэврисемичного и эврисемичного типов значения, а также особенности их развития определяются взаимодействием денотативного и сигнификативного аспектов с другими макрокомпонентами семантической структуры фразеологизма и в первую очередь с его образной составляющей, что актуализирует значимость лингвокультурологического изучения фразеологических единиц.

Обратимся к рассмотрению лингвокультурологических причин эврисемичного по объему значения единиц исконного происхождения.

Формирование эврисемичного по объему типа значения предопределяется отражением во фразеологизме древнейших форм осознания мира, особенностями исходного образа, который может быть связан с забытыми атрибутами языческого мировидения, соотноситься с наиболее значимыми кодами культуры, с символическим значением компонентов, с передачей сформировавшихся стереотипов, эталонов и символов. Длительная «жизнь» того или иного фразеологизма отражается в динамике восприятия его образа, что проявляется в развитии новых ассоциаций под влиянием изменения мировоззренческих приоритетов, прогресса культуры, международных культурных и языковых контактов, формирования и совершенствования языковых средств создания образности и экспрессивности художественных текстов и т. д. Все это проявляется в динамике употребления фразеологических единиц, что нередко приводит к различным изменениям их семантики и, в частности, к расширению объема значения.

Обратимся к анализу отдельных примеров фразеологизмов, характеризующихся широкой денотативной направленностью. Языковая история рассматриваемых далее единиц (*кот в мешке и покупать / купить кота в мешке; лакомый кусок*) отражает типичные пути и причины развития их значения.

Фразеологизм *кот в мешке* характеризуется широкой денотативной направленностью, то есть может обозначать как одушевленный, так и неодушевленный предмет, свойства которого неизвестны. Эврисемичность по объему предметного фразеологизма *кот в мешке* заложена в его значении, поскольку любой человек или какой-либо предмет, никому не известный, может таить в себе возможные неприятные неожиданности [см.: 14, с. 301]. Данный фразеологизм является морфологическим дериватом оборота *покупать/купить кота в мешке* [8, с. 377].

Происхождение фразеологизма *покупать/купить кота в мешке* лингвисты определяют по-разному. По мнению некоторых ученых, данный фразеологизм является калькой. Причем по одной версии – с французского [21], по другой – с латинского [22]. Калькирование мотивируется наличием в соответствующем языке-источнике эквивалентного фразеологического оборота. Автор статьи придерживается версии об исконном происхождении фразеологизма [24], хотя и признает его интернациональный характер [4, с. 352; 23].

Образ данного фразеологизма связывают со средневековым анекдотом о том, как мошенники старались продать кота в мешке вместо зайца или

кролика [3, с. 383]. Однако этот анекдот никак не объясняет столь широкую распространенность фразеологизма в различных языках мира и наличие в некоторых языках вариантов *заяц, свинья* вместо *кот* [17, с. 289; 11, 19]. Очевидно, исходный образ фразеологизма имеет более глубокие корни. Почему то или иное животное покупали в мешке? Для ответа на этот вопрос мы обратились к этнографическим материалам, в которых содержится описание суеверий, связанных с домашними животными.

Так, в этнографическом очерке А. Е. Богдановича описываются приметы, которых придерживались восточные славяне при купле-продаже домашних животных. Согласно этим приметам, животных не следовало передавать новому хозяину «голыми руками», так как в этом случае они не будут плодиться, при этом мелких животных (поросенка, ягненка, курицу) рекомендовалось продавать, сажая их особым образом в мешок [5, с. 178–179]. Чтобы ответить на вопрос, почему возникли такие суеверные приметы, следует обратиться к языческим представлениям наших предков, связанным с поклонением огню и воде, что отразилось во многих народных обрядах и преданиях, связанных с плодородием и изобилием в доме. Данные обряды и предания описаны, в частности, А. Н. Афанасьевым в работе «Поэтические воззрения славян на природу». Таково, например, предание о «неисчерпаемом кошельке», или «кошельке-самотресе», из которого сколько ни бери – он все полон золотом. Объяснение этого предания восходит к поэтическому представлению «тучи, закрывающей небесные светила и рассыпающей золотые молнии, сумкою или мешком» [2, с. 197]. А. Н. Афанасьев поясняет, что в весенней грозе древний человек видел брачный союз, «в который бог-громовник вступал с облачными нимфами, проливая на землю плодотворное семя дождя. Поэтому латинское *nubere* (от *nubes* – облако) – «покрываться» получило еще другое значение: «жениться», «выходить замуж» <...>. Покрывало, которым окручивают голову невесты, ее фата, есть символическое значение того облачного покрова, под которым являлась прекрасная богиня весны, рассыпающая на всю природу богатые дары плодородия» [2, с. 237].

Отсюда понятно, почему следовало продавать животных на расплод таким образом, как это описано в очерке А. Е. Богдановича. Совершенно ясно, что кота или кошку покупать на расплод никто не будет. Поэтому закономерно наличие среди русских, а также белорусских и украинских пословиц выражений типа русск. *кошку в мешке не покупают* [16, с. 107], бел. *кота в мешку не купляюць* [13, с. 68],

укр. *кота в мішку не торгують* [12, с. 10499]. Переосмысление поговорки связано с утратой отрицания при глаголе, в результате которого формируется фразеологизм со значением ‘приобретать что-либо, не зная заранее ничего о качестве, достоинствах приобретаемого’ [20, с. 333]. Заметим, что приведенные выше цитаты из книги А. Н. Афанасьева позволяют увидеть мир глазами наших предков и понять отраженные в языке забытые метафорические связи слов и фразеологических единиц. Эти связи раскрывают древнее мировосприятие, реализованное в языковых формах, и способствуют восстановлению конкретного образа фразеологизма. В то же время утрата его актуальности предопределяет не только возникновение иного восприятия внутренней формы фразеологизма, но и абстрагирование фразеологического значения, расширение аспектов его употребления. Об этом свидетельствуют, в частности, сведения, зафиксированные в словаре А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи».

В данном словаре значение фразеологизма определяется уже более широко по сравнению с указанным выше: ‘Приобретать что-л., заполучать кого-л., не зная ничего заранее, не имея никакого представления о свойствах, качествах приобретаемого’ [9, с. 333]. Расширение аспектов употребления при этом проявляется, во-первых, в изменении типа фразеологического значения (неэврисемичный → эврисемичный по объему); во-вторых, в стандартных и структурных преобразованиях (*не покупать кота в мешке, взять кота в мешке, котят в мешке брать*), в трансформациях, основанных на вычленинии ключевого компонента (*кот в мешке, котята в мешке*), в образовании окказиональных ФЕ (*выпустить своих кошек из мешка*) [9, с. 333–335].

Употребление фразеологизма с денотативной направленностью на человека сопровождается изменением коннотативного макрокомпонента: появляется оттенок шутовскости. Возможность такого употребления объясняется сходством ассоциаций, которые возникают благодаря содержанию сигнификативного макрокомпонента, распространению его на более широкий круг реалий и на человека.

С развитием эврисемичного по объему типа значения связаны трансформации ФЕ, основанные на вычленинии ключевого компонента. В результате образуется фразеологизм *кот в мешке* с эврисемичным по объему значением и речевое употребление *котята в мешке* с эврисемичным по содержанию смыслом. Изменению смыслового содержания речевого варианта способствует замена компонента и контекстуальное окружение: *Молчаливый, строгий и*

очень взрослый, он выделялся среди ребят. <...> Такой вот обещающий перспективный тип молодых людей, благородных, когда другие еще корявы, узнаваемых и по душевному складу, тогда как ровесники все еще котята в мешке (Н. Кожевников. Дача).

Широкий объем значения фразеологизма *купить кота в мешке* делает возможным и окказиональное употребление ФЕ в результате ее трансформации по контрасту. Например: *Итак, мой дорогой, давайте выпустим своих кошек из мешка, – предложил иштурбанфюрер Майер, после того, как подали бутылку шампанского, – выдадите ли вы мне Бека?* (Г. Кирст. Покушение).

Остановимся еще на одном примере из числа предметных фразеологизмов исконного происхождения, имеющем денотативную направленность как на лицо, так и на предмет (*лакомый кусок*).

Семантическая структура данного фразеологизма в словарях описывается неодинаково. Имеются различия и в определении его компонентного состава. Неоднозначная оценка семантики фразеологизма именно в аспекте характера соотношения денотативного и сигнификативного макрокомпонентов определяет наш выбор этого примера для подробного анализа. Одно из существенных отличий толкования значения в словарях касается определения количества его фразеосемантических вариантов. В большей части привлеченных к анализу словарей фразеологизм признается однозначным. Лишь в одном словаре фразеологизм зафиксирован как многозначный, имеющий три фразеосемантических варианта [4, с. 369]. Причем выделение в качестве одного из значений ‘1. О вкусной и красиво приготовленной еде’ объясняет своеобразие определения в данном словаре компонентного состава – *лакомый кусок (кусочек)* или *лакомое блюдо*. Ср. с версией М. И. Михельсона о происхождении фразеологизма от поговорки *Лакомый кусок, только бы попал в роток* [10, с. 500]. Именно в этом словаре *лакомый кусок* и *лакомое блюдо* приведены как варианты. Основанием послужило наличие контекстов, в которых используется не только сохранившийся до настоящего времени фразеологизм, но и вариант *лакомое блюдо*, не встречающийся в современном употреблении. Ср.: *Миллионная невеста ведь лакомое блюдо, и не очень часто попадает* (К. М. Станюкович. Откровенные). Другая версия также связана с едой, а точнее со значением старославянского причастия *лакомый* (букв. «желаемый для еды») от *лакати, лакати* ‘хотеть есть’ [21, с. 72]. Второе значение, включенное в семантическую структуру фразеологизма, – ‘2. Шутил. или ирон. О чем-н. привлекательном, соблазнительном’. И третье – ‘3. Шутил.

или *ирон.* О соблазнительной, привлекательной, аппетитной женщине’.

В словарях, трактующих данный фразеологизм как однозначный, имеются различия, касающиеся определения этого единственного значения. В двух словарях, судя по дефиниции значения, денотативный макрокомпонент соотносится только с предметом – ‘что-либо заманчивое, привлекательное, соблазнительное’ [20, с. 216]. В другом словаре фразеологизм *лакомый* <*жирный*> *кусок* <*кусочек*> кто, что [для кого] ‘то, что является заманчивым и соблазнительным и привлекает внимание’ характеризуется широким объемом денотативного макрокомпонента, так как заманчивым, привлекающим внимание может быть какое-либо лицо, группа лиц, социальный коллектив или предмет, объект действительности, положение дел, ситуация [6, с. 347].

Анализ контекстов показал, что в XIX в. фразеологизм имел форму *лакомый* (*прелакомый*) *кусок* (*кусочек*) и употреблялся для характеристики внешне привлекательной, соблазнительной женщины: *И впрямь Авдотья Николаевна / Была прелакомый кусок. / Идет, бывало, гордо, плавно... / Бела как сахар, так нежна, / Что жилка каждая видна* (М. Ю. Лермонтов. Тамбовская казначейша).

В текстах XX в. появляется вариант *жирный кусок*. Этот вариант употребляется (1) для обозначения женщины высокого социального положения и достатка, которая оценивается как слишком «жирный кусок» для неравного ей по статусу мужчины, и (2) для обозначения объекта действительности (страны, территории и т. п.):

(1) *Ты гляди за Еленой, около нее цыган этот, Коптев! Вьется... Елена – кусок жирный, не для такого* (М. Горький. Дело Артомоновых);

(2) [*Гитлер*] *решил сначала напасть на Европу, уничтожить ненавистную Францию, поставить Англию на колени и уже тогда, очистив свой тыл, вернуться к самому жирному куску, к Советской России* (А. Н. Толстой. Родина).

Контексты конца XX–XXI в. свидетельствуют о расширении аспектов употребления фразеологизма. Он используется уже не только по отношению к женщине – *лакомый кусок* или *кусочек*, но и к мужчине – *лакомый кусок*. Более широким является охват и объектов действительности – место в иерархии социальной структуры; компания; место, благоприятное для жизни или с точки зрения материальной выгоды; деньги и т. д. – *лакомый* (*жирный*) *кусок* [6, с. 347].

Динамика аспектов употребления фразеологизма и в конечном итоге расширение его значения объясняется характером его образа, а также обиходно-

бытовыми представлениями. Совокупность компонентов *лакомый*, *жирный*, *кусок* соотносится с гастрономическим кодом культуры, связанным с мифологической формой осознания мира – олицетворением неживого, которое находит отражение в языке. В основе образа лежит аналогия «предмет – человек». Первоначально внешне привлекательная женщина уподобляется лакомству. Причем употребление уменьшительной формы *кусочек* с компонентом *лакомый* только по отношению к лицу женского пола отражает стереотипные представления о внешности женщины, которая должна быть привлекательна для мужчины. В то же время уподобление предмету, который может доставить удовольствие, приводит к расширению денотативной направленности фразеологизма. Этому могли способствовать обиходнобытовые представления о выгоде какого-либо дела, места, социального положения, о человеке (причем как о женщине, так и о мужчине) как об источнике получения материальных благ. Расширение объема значения связано также с наличием вкрапления в образ за счет компонента *кусок* метонимического отождествления части и целого. Ср.: *На лакомый кусок всяк разинет роток; Лакомый кусок найдет и усок. Лакомый до чего или на что, то есть ‘падкий на что-нибудь, пристрастный к чему-нибудь’* [14, с. 318]. *Урвать кусок* ‘добыть для себя что-нибудь выгодное’ [14, с. 316]. *Жирно будет* (прост. неодобр.) – ‘этого слишком много, чересчур’ [14, с. 198].

По-видимому, изменения, затронувшие сигнификативный макрокомпонент, усилили оттенок ‘выгоды’. С этим связано и ироническое, неодобрительное употребление данного фразеологизма. По этой причине, очевидно, можно утверждать, что вариант фразеологизма *лакомый* (*жирный*) *кусок* имеет эврисемичный по объему тип значения. Он обозначает, что какое-либо лицо или объект действительности, ситуация и т. п. являются заманчивыми, привлекательными для другого лица, социального коллектива, структуры только с точки зрения получения выгод, каких-либо преимуществ, как средство достижения собственных целей и желаний [6, с. 347]. В то же время в сигнификативный макрокомпонент этого значения никак не вписывается употребление варианта *лакомый кусок* (*кусочек*) для характеристики внешней привлекательности, соблазнительности, аппетитности женщины. Это значение, на наш взгляд, является первичным. Указанный фразеосемантический вариант относится к неэврисемичному типу значения. Он имеет узкую денотативную направленность – употребляется только по отношению к привлекательной женщине. А его сигнификативный макрокомпонент включает одноплановые диф-

ференциальные признаки, которые характеризуют женщину только по ее внешним качествам.

Постепенному расширению значения и последующей его отдельности способствовало употребление фразеологизма с дополнительным смысловым оттенком. Например, в следующем контексте содержится оговорка, подчеркивающая, что привлекательная девушка могла бы стать «лакомым куском» при наличии хорошего приданого: *Ведь если... этой девушке да придать тысячек двести приданого, из нее мог бы выйти очень, очень лакомый кусочек* (Н. В. Гоголь. Мертвые души).

Таким образом, анализ характера соотношенности денотативного и сигнификативного макрокомпонентов с учетом ее динамики позволяет не только проследить пути развития фразеологизма, но и внести коррективы в описание его современной семантической структуры.

Библиографический список

1. Алефиренко, Н. Ф. Теоретические основы фразеологической репрезентации формально-содержательной вариантности фразеологизмов [Текст] / Н. Ф. Алефиренко, З. О. Валюх // Проблемы русской и общей фразеологии. – Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Я. Мудрого, 1990. – С. 23–32.
  2. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий, верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Т. 1. [Текст] / А. Н. Афанасьев. – М.: Издание К. Солдатенкова, 1865. – 802 с.
  3. Берков, В. П. Большой словарь крылатых слов русского языка [Текст] / В. П. Берков, В. М. Мокиенко, С. Г. Шулежкова. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2000. – 624 с.
  4. Бирих, А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь [Текст] / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М.: Астрель: АСТ: Льюкс, 2005. – 926 с.
  5. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: этнографический очерк [Текст] / А. Е. Богданович. – Гродно: Губернская типография, 1895. – 186 с.
  6. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] / отв. ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
  7. Добрыднева, Е. А. Современная русская фразеология: категориальные признаки и коммуникативные свойства [Текст] : учебное пособие / Е. А. Добрыднева. – Волгоград: Перемена, 1998. – 88 с.
  8. Жуков, А. В. Лексико-фразеологический словарь русского языка [Текст] / А. В. Жуков. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 603 с.
  9. Мелерович, А. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь [Текст] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М.: Русские словари: Астрель, 2001. – 856 с.
  10. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии [Текст] : сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 1 / М. И. Михельсон. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1902. – 792 с.
  11. Никитина, Т. Г. Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии [Текст] / Т. Г. Никитина. – Псков: Псковский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова, 1998. – 203 с.
  12. Номис, М. Українські приказки, прислів'я та інше: збірники О. В. Марковича і других [Текст] / М. Номис. – СПб.: В друкарнях Тиблена и Куліша, 1864.
  13. Носович, И. И. Сборник белорусских пословиц [Текст] / И. И. Носович. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1874. – 232 с.
  14. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1991. – 917 с.
  15. Подюков, И. А. Народная фразеология в зеркале народной культуры [Текст] : учебное пособие / И. А. Подюков. – Пермь: Пермский гос. пед. ин-т, 1990. – 127 с.
  16. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные Ф. Буслаевым [Текст] / Ф. Буслаев. – М.: В типографии А. Семена, 1854. – 176 с.
  17. Русско-чешский словарь [Текст] / сост. Й. Влчек. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 896 с.
  18. Солодуб, Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект): учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков [Текст] / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 264 с.
  19. Солодуб, Ю. П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений [Текст] / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 1997. – № 5. – С. 43–54.
  20. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / под ред. А. И. Молоткова. – СПб.: Вариант, 1994. – 544 с.
  21. Шанский, Н. М. Опыт этимологического словаря русской фразеологии [Текст] / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. – М.: Русский язык, 1987. – 240 с.
  22. Шевченко, Г. И. Фразеологические кальки с греческого и латинского в русском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. И. Шевченко. – Минск, 1986. – 15 с.
  23. Шихова, Т. М. Интернациональная фразеология в диахроническом и синхроническом аспектах: учебное пособие [Текст] / Т. М. Шихова. – Архангельск: Поморский ун-т, 2005. – 219 с.
- Шихова, Т. М. Купить кога в мешке [Текст] / Т. М. Шихова // Русская речь. – 1990. – № 6. – С. 96–100.